

(00:05:01) (Начало записи)

Игорь Абакумов: Тема «Как повысить доходы сельхозпроизводителей в России» важная, актуальная, вечная. Говорить будем про деньги.

Я представлю участников нашей сессии. Академик Российской академии наук Ушачев Иван Григорьевич, научный руководитель Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства. Злочевский Аркадий Леонидович, президент Российского зернового союза. Колесников Андрей Викторович, заведующий отделом аграрной политики ВНИИЭСХ, член-корреспондент РАН. Маслова Влада Вячеславовна, заведующая отделом исследования ценовых и финансово-кредитных отношений, член-корреспондент РАН. Людмила Владимировна Орлова, президент Национального движения сберегающего земледелия. Евгений Степанович Савченко, губернатор Белгородской области в 1993-2020 годах, 27 лет был губернатором, член-корреспондент РАН. Суркашев Эрмен Юзлаевич, председатель сельскохозяйственного перерабатывающего кооператива «Быйанду», президент научно-производственного консорциума «Инновационные лекарственные препараты».

Я, Абакумов Игорь Борисович, ведущий программы «Сельский час», буду вам портить нервы, одергивать по времени, не давать говорить. Каждому у нас получается по 10, максимум по 10 минут, чтобы мы уложились в полтора часа. Выступающих много, доклады будут интересными. Первым выступает Иван Григорьевич Ушачев, академик Российской академии наук. Прошу вас, Иван Григорьевич.

Иван Ушачев: Спасибо. Прежде всего, уважаемые коллеги, я хотел бы сказать, что с нами присутствует глубокоуважаемый человек, большой модератор нашего Форума — это Бабкин Константин Анатольевич. Это говорит о том, что он является человеком, который предельно неравнодушен к тому, что происходит у нас в агропромышленном комплексе и к тому, что происходит у нас на селе. Спасибо большое вам, Константин Анатольевич, за ваше участие в нашей работе.

Теперь что касается материи. Перед тем как обсуждать более конкретно, более подробно такую важнейшую проблему, как доходность наших сельхозтоваропроизводителей, я хотел бы сначала обозначить основные направления развития агропромышленного комплекса в будущем, примерно до 2036 года. Наш отдел аграрной политики и прогнозирования во главе с членом-корреспондентом Колесниковым Андреем Викторовичем подготовил проект новой парадигмы развития агропромышленного комплекса до 2036 года. Я не буду подробно останавливаться на самой концепции, а выскажу наши соображения по основным направлениям. Их где-то пять, шесть или семь. Конечно, каждое из направлений должно включать в себя и, прежде всего, иметь в виду доходность сельхозтоваропроизводителя.

Как известно, за последнюю четверть века отечественному аграрному сектору, безусловно, удалось добиться значительных результатов. Однако мне хотелось бы подчеркнуть, что эпоха, когда мы могли бы полагаться на количественный рост и импортные технологии, безвозвратно ушла в прошлое.

(00:10:04)

Практика ручного управления нашей отраслью, ориентированная на латание дыр, исчерпала свой ресурс. Сегодня нам необходима смена парадигмы, то есть переход к долгосрочной стратегии развития АПК до 2036 года, целью которой должно стать не только наращивание производства продукции и обеспечение продовольственной и технологической безопасности, но также рост доходности в отрасли, активизация инвестиционной деятельности и социально-экономическое развитие села.

Я останавлиюсь лишь на некоторых ключевых направлениях этого документа. Первое и, на наш взгляд, главное — это технологическая независимость. Мы научились выращивать хлеб, но средства производства во многом остаются чужими и в значительной степени изношенными. Известно, что доля тракторов и комбайнов старше десяти лет сейчас составляет около половины. Еще более тревожная ситуация с обеспечением селекционной и генетической независимости АПК, и особенно с производством кормовых добавок и ветеринарных препаратов. Наше предложение — в целях активизации инновационного развития, на наш взгляд, целесообразно ввести механизм субсидирования покупки первых отечественных технологий и инноваций — будь то роботы, дроны или новые технологии — с компенсацией до 50-70% затрат нашим аграриям, с тем чтобы они имели какой-то стимул.

Второе направление — это структурные диспропорции производства. У нас сегодня явный перекос в сторону зерновых культур, в то время как трудоемкие отрасли — молочное скотоводство, овощеводство — стагнируют. А ведь именно они дают рабочие места на селе, то есть они являются каркасом сельских территорий. Для нивелирования этой ситуации, на наш взгляд, необходимо ввести повышенный норматив компенсации капитальных затрат до 50% как минимум на строительство молочных комплексов и овощехранилищ.

Третье — обеспечение доходности сельхозтоваропроизводителя. Вы знаете, что на эту тему было несколько докладов. Одним из основных сдерживающих факторов отрасли, бесспорно, является низкая доходность. К сожалению, на пленарном заседании почему-то слово «доходность» практически не звучало. В прошлом году прибыль сельхозтоваропроизводителей сократилась на 13%, а убытки выросли на 65%. В результате доля убыточных организаций сейчас составляет 22%. Текущая рентабельность отрасли, бесспорно, не позволяет вести расширенное воспроизводство.

Уровень доходов сельхозтоваропроизводителей во многом зависит от динамики и соотношения цен в АПК. В последние годы наблюдается существенный рост затрат сельхозтоваропроизводителей, который трансформируется в рост цен на продовольствие. Наибольшие ценовые диспропорции сейчас складываются между ценами сельхозтоваропроизводителей и торговли продуктами питания. Считаем крайне важным разработать комплексную систему мер по регулированию ценовой ситуации в АПК и закрепить ее нормативно-правовым актом, а в госпрограмму добавить отдельный блок по регулированию ценовых отношений с целевым финансовым обеспечением. Мы несколько раз предлагали это нашим исполнительным и законодательным органам. Они согласны, вот уже года три они согласны, однако на этом все заканчивается.

Четвертым направлением является активизация инвестиционного развития АПК. В настоящее время в инвестиционном развитии АПК наблюдается стагнация. В сельском хозяйстве за последние 10 лет индекс роста инвестиций в основной капитал в шесть раз меньше, чем в целом по экономике. В шесть!

(00:14:59)

При этом, по экспертным оценкам, каждый рубль, вложенный в сельское хозяйство, дает мультипликативный эффект от трех до шести рублей.

Мы предлагаем кардинально изменить кредитную политику. Необходимо запустить специальную программу длинных кредитов не менее чем на 10 лет под 3-4% годовых. Также необходимо зафиксировать ставку по коротким кредитам на сезонные работы не выше 3-5% годовых. Сейчас в едином плане по достижению национальных целей (вы знаете, они у нас существуют) цели развития части АПК обозначаются, с нашей точки зрения, заниженными индикаторами. Для сельского хозяйства к 2030 году рост инвестиций обозначен в 20%, в то время как в целом по экономике — 60%. Абсолютно непонятно.

Пятое направление — обеспечение кадрового и научного суверенитета. Сегодня элементы цифрового земледелия применяют лишь 10-15% хозяйств. Финансирование сельскохозяйственных знаний и аграрной науки составляет 44 миллиарда рублей, генерация знаний — всего 16 миллиардов. Этого явно недостаточно, и нам нужно удвоить финансирование генерации знаний.

Но главное — это люди и их заинтересованность в сельском труде. Сейчас отношение зарплаты в сельском хозяйстве к средней по экономике составляет 73%. Считаем, что необходимо ввести сельские коэффициенты к зарплатам бюджетников на селе, а выпускникам аграрных вузов предоставлять единовременные выплаты в размере двух-трех миллионов рублей при заключении контракта на пять-семь лет. Это вопрос не благотворительности, а выживания села. Иначе работать на новой технике будет просто некому.

Шестое — смена модели управления. Существующая сегодня система управления практически фрагментарна. По сути, мы управляем постфактум. Необходимо создание полноценной национальной аналитической платформы, в том числе цифрового двойника АПК. Это позволит перейти к упреждающему управлению. Также давно назрела необходимость разработки генеральной схемы управления агропромышленным комплексом с уточнением функций государственного управления, местного самоуправления и хозяйственно-экономического управления, а также порядка их взаимодействия.

И наконец, направление — комплексное развитие сельских территорий. Нельзя рассматривать АПК в отрыве от социальной среды. Страшно говорить, но надо, село вымирает, население сокращается, доходы ниже городских на треть. И одна из главных причин — недостаточное вложение в социальную сферу села как из федерального, так и региональных и местных бюджетов. А государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий» хронически недофинансируется. Общий дефицит финансирования

программы за пять лет оценивается в 1,4 триллиона рублей. Как следствие, не улучшается ни инфраструктура, ни обустроенность на селе. Целевым ориентиром до 2036 года, на наш взгляд, должно стать доведение среднедушевых доходов на селе до 90% от городского уровня.

И в заключение, уважаемые коллеги, реализация этой концепции или парадигмы развития АПК потребует значительных средств. Мы посчитали, это примерно 1,5 триллиона рублей ежегодно. Но, как я уже сказал, это вложение с высоким мультипликатором.

(00:19:51)

В настоящее время, что очень важно, целесообразна разработка федерального закона о развитии всего агропромышленного комплекса, который закрепил бы правила игры на 10-15 лет, обеспечив стратегическую стабильность.

Только так, перейдя от модели латания дыр к модели инновационного технологического суверенитета, мы сможем обеспечить продовольственный суверенитет России и достойную жизнь нашим гражданам. Спасибо за внимание.

Игорь Абакумов: Большое спасибо, Иван Григорьевич. Что такое бедный крестьянин? Это крестьянин, который не купил себе комбайн или трактор. Что такое непроданный трактор? Непроданный трактор — это непроданная краска для трактора, непроданный металл, непроданная резина. Это я говорю о поставщиках, которые участвуют в создании этого трактора. Это говорит о том, что каждый непроданный трактор — это удар практически по всей экономике. И говорить об этом надо в полный голос. И решение надо принимать не на уровне пожеланий, а на уровне конкретных предложений.

Ведь конкретный опыт существует в законодательстве различных стран. Причем этот опыт тем более интересен, чем севернее эта страна находится. Существует ряд законов о гарантиях доходности сельскохозяйственных товаропроизводителей в Скандинавии и Канаде. Это обязательное участие фермеров в социальных мероприятиях муниципалитетов. Это обязательная покупка у фермеров их продовольствия для муниципальных предприятий, для пенитенциарной системы, для военнослужащих. В месте, где располагаются фермеры, там располагаются и военнослужащие, и для них продовольствие должно закупаться именно в том месте, где они располагаются. У нас это все происходит с точностью до наоборот. У нас для воинских частей Московской области продовольствие могут гнать из Якутии, и никто даже не считается даже с затратами.

Существует также такая вещь, наверное, многие здесь о ней слышали, как «аграрная линза». В Канаде существует ряд законов об «аграрной линзе». Это анализ всего законодательства страны — абсолютно всего: социального, культурного, промышленного — на предмет влияния на сельское хозяйство. Какое влияние будет оказывать закон или подзаконный акт на сельское хозяйство. К сожалению, у нас этот опыт либо неизвестен, либо не изучается, либо не применяется. Он просто игнорируется. Но этот опыт есть, и чем севернее, тем больше преференций получают крестьяне. Извините, я немножечко увлекся. Злочевский Аркадий Леонидович, президент Российского зернового союза.

Аркадий Злочевский: Итак, наша сегодняшняя тема «Как повысить доходы

сельхозпроизводителей». Они напрямую зависят от той государственной политики, которая проводится в аграрном секторе правительством, властью как таковой.

Когда-то в далеком — я уже сейчас не помню точно год — в Бразилии был такой министр Де Силва. Они достигли показателя в 100 миллиардов долларов экспортной выручки только аграрной продукции. И была пресс-конференция у Де Силвы, на которой выступал министр, который все это организовал.

(00:54:56)

Журналисты ему задали вопрос: «Хорошо, вы достигли замечательного показателя, второе место в мире после США, 100 миллиардов долларов». Это на тот момент. Тогда у Америки было 140, сейчас уже за 200, но тогда еще было 140. И сказали: «Хорошо, достигнута цель, которую вы поставили. А какая следующая цель? Какую цифру заявите на будущее? Что планируете?»

На что, с моей точки зрения, Де Силва ответил просто великолепно и фундаментально грамотно. Он сказал: «Товарищи журналисты, вы что-то перепутали. Мы такую цель никогда не ставили. Это всего лишь инструмент, средство для достижения цели. А цель у нас была, есть и будет неизменная — обеспечить доходы наших сельхозпроизводителей». Понимаете подход? Он говорит: «Неважно, какие цифры, мы цель даже такую не ставили. Ставили цель обеспечить доходы, а вот средством выбрали экспорт». И это всего лишь одно из средств, которым поддерживаются и удерживаются доходы сельхозпроизводства. Поэтому Бразилия сегодня показывает удивительные результаты с точки зрения развития и процветания аграрного сектора.

И я бы рекомендовал всем нашим руководителям ориентироваться именно на бразильский опыт. Но, к сожалению, когда у нас сменилась аграрная власть в 2019 году, нам сразу было продекларировано, что мы будем ориентироваться на опыт Аргентины, соседней страны с Бразилией, и введем пошлины, как в Аргентине. И напрямую об этом с высоких трибун нам рассказывала Оксана Николаевна Лут, что мы опираемся на аргентинский опыт.

Давайте сопоставим: 30 лет назад, всего лишь 30 лет тому назад, Бразилия с Аргентиной стартовали с абсолютно одинаковых позиций, будучи равноценными по позиционированию в аграрном секторе. Это было всего лишь 30 лет назад. И что сегодня из себя представляет аграрная Бразилия и что — аграрная Аргентина? Аграрная Аргентина — это ничто, просто ниже плинтуса. Они растеряли даже тот потенциал, которым обладали еще в 90-е годы, когда мы, еще будучи импортозависимыми, в 1996 году покупали пшеницу в Аргентине. Вспомним просто, у нас память короткая, обычно мы забываем. Напоминаю, в 1996 году мы прямо из Аргентины напрямую тащили в Россию пшеницу. А сегодня мы поставляем в Латинскую Америку нашу пшеницу. И где там Аргентина как конкурент? Вы понимаете, к чему привела неверно выбранная аграрная политика, которая уничтожает доходность?

Давайте посмотрим в нашу государственную программу развития сельского хозяйства. В ней черным по белому написано: цель российской государственной программы по

развитию сельского хозяйства — это снабжение населения Российской Федерации (подчеркиваю, вдумайтесь) доступным (имеется в виду с экономической точки зрения) и качественным продовольствием. А причем тут развитие сельского хозяйства? Это же у нас в госпрограмме записано, что это является целью. Целью не является развитие самого сельского хозяйства. Снабжение населения доступным и качественным продовольствием. Но когда мы так формулируем цели, соответственно, и аграрная политика у нас такая. И она реализуется именно в этой сфере.

Поэтому нашему отраслевому руководству плевать на доходы, на производственную сферу, на то, как она развивается или погибает. На это плевать. Важно обеспечить доступное и качественное продовольствие для населения. А значит, можно резать по живому те же самые яйца. Все равно потом, когда нам нечем будет снабжать наше население продовольственными товарами, их просто не будет, отвечать будут другие люди.

(00:30:00)

Ведь любой чиновник — он временщик. Любой. Но в нашей системе, сегодня на пленарке это неоднократно подчеркивалось, так оно и работает. Нет ответственности у тех, кто принимает решения. И когда вы принимаете решения, которые в корне неверны, и которые подрывают и подрывают фундаменты и основания под развитием, даже под жизнью, не то что развитием, Бог с ним... Мы уже сейчас смотрим на наше зерновое хозяйство даже не с точки зрения развития, а с точки зрения сохранения потенциала. Хотя бы сохранить то, что нам дано природой. Вообще-то мы не сами заработали этот потенциал. Сохранить почвенное плодородие, например. Так в это же вкладываться надо. А нечем вкладываться сегодня. И мы просто рискуем конкретно сегодня потерять и этот потенциал.

В конечном итоге подвожу черту: без сохранения доходности в аграрном секторе мы не сможем ничего, никаких стратегических задач решить. А для этого полностью, фундаментально должна быть изменена аграрная политика. Она должна быть нацелена на сохранение доходности. Без этого стратегического изменения и без записи в государственной программе, что целью является развитие сельского хозяйства, повышение доходности сельхозпроизводителя, ничего не выйдет. Неважно, что с другими смежниками, но сельхозпроизводителя как такового. А от него, поверьте, по цепочке разойдется эта доходность до всех звеньев цепи. Спасибо.

Игорь Абакумов: Спасибо, Аркадий Леонидович. Влада Вячеславовна Маслова, член-корреспондент Российской академии наук.

Влада Маслова: Уважаемые коллеги, добрый день. Действительно, нас наши учителя учили, что все-таки успехи надо видеть и признавать. И действительно, у нас с 2000 года есть очень существенные успехи в нашей отрасли. Нам удалось достичь существенных результатов и в производстве пшеницы. Мы за 25 лет с пятого места перешли на третье. Мы занимаем первое место по производству ячменя, сахарной свеклы, семян подсолнечника. По животноводству тоже фиксируются достаточно большие успехи. Мы перешли на четвертое-пятое место в мире по их производству соответственно, а занимали

одиннадцатое-семнадцатое. Это стало возможным, естественно, только благодаря прорывным решениям в области аграрной политики, которые были приняты в 2000-х годах.

Но что нужно сказать: любой положительный потенциал положительных импульсов заканчивается. И мы это сейчас и наблюдаем. Мы последние годы развиваемся не благодаря, а вопреки и, скорее, по инерции. Поэтому в сегодняшних непростых условиях нам крайне важно актуализировать основные направления аграрной политики и выработать соответствующие механизмы по ее реализации.

Об этом много говорилось на Пленарке, но в части нашей отрасли перед нами стоят огромные вызовы. Во-первых, у нас недостаточный объем предложения качественных отечественных машин, оборудования и технологий. Причин много: это, безусловно, технологическая отсталость, практическая недоступность долгосрочного кредитования, высокая стоимость оборотного капитала. Все это тормозит рост производительности труда.

(00:34:58)

Также у нас с 2022 года фиксируется дефицит на рынке импортного оборудования и технологий при уже сложившемся дефиците на этом рынке. Это приводит к снижению интенсивного компонента экономического развития в пользу задействования экстенсивных факторов производства.

Третье: в прошлом году дефицит бюджета привел к сокращению финансирования. Обычно у нас все-таки шел «плюс, плюс, плюс» по госпрограмме, а в прошлом году — минус 10%. И в этом году, видимо, эта негативная тенденция будет продолжена.

В-четвертых, сложился дефицит на рынке труда, и это ограничивает рост производства, приводит к гонке заработных плат. Мы понимаем, что для сельского хозяйства это большой плюс, но в то же время это влечет инфляцию издержек. И уже сейчас многие производственники говорят, что прирост себестоимости во многом за последние два года обеспечен именно большими приростами в заработных платах.

Таким образом, в настоящее время можно констатировать, что практически все факторы роста производства у нас ограничены. Наблюдается диспропорция между спросом и предложением на финансовые ресурсы как со стороны господдержки, так и со стороны кредитования заемных ресурсов. Диспропорция в спросе и предложении на рынке машин, оборудования, технологий и диспропорция на рынке труда.

Также одним из основных сдерживающих факторов развития отрасли сейчас является ее низкая доходность. В 2025 году сальдированный финансовый результат отрасли снизился на 23%. И у нас впервые за многие годы доля убыточных хозяйств в сельском хозяйстве достигла 22%. В 2022 году было 18%, то есть резкий рост на 4%.

Необходимо иметь в виду еще следующий факт: у нас в отрасли очень большое количество низкорентабельных предприятий (0-10%). При текущей официальной инфляции в 9% это значит, что это почти убыточные хозяйства. Больше половины производителей не в состоянии сейчас устойчиво развиваться и осуществлять инвестиции. В отрасли несколько лет подряд наблюдается снижение рентабельности. Нет окончательных цифр от

Минсельхоза, но по февралю они озвучили 15% по прошлому году с учетом субсидий. В 2020 году это был 21%. И если вспомнить, что в 2020 году у нас инфляция была 3,5%, мы сразу понимаем, в каких условиях аграрии работают сейчас.

Безусловно, наши доходы во многом зависят от господдержки. Надо сказать, что в 2022 году были выделены, наверное, рекордные 530 миллиардов рублей. В прошлом году только финансирование госпрограммы развития сельского хозяйства сократилось на 10%. Опять же, учитывая инфляцию, получается минус 20%, а потребности все-таки растут.

Но самое главное — структура: на что мы тратим эти ограниченные бюджетные средства? У нас прямые бюджетные трансферты аграриям составляют сейчас менее 25% от структуры финансирования госпрограммы. Большая часть (это данные 2024 года, за 2025 год данных еще нет) идет на стимулирование инвестиционной деятельности в АПК, то есть на субсидирование процентных ставок банкам.

По поводу цен и ценовых отношений, которые, безусловно, напрямую влияют на доходность товаропроизводителей. У нас фиксируется рост ценовых диспропорций. Если вспомнить 2024-2025 годы, то там ценовые отношения сложились в пользу сельского хозяйства. Но даже эти плюсовые годы не выравнивают всей динамики. С 2017-го по 2025 год самые меньшие темпы роста цен были в сельском хозяйстве, производство пищевых продуктов — почти 72%, и наибольший рост, Иван Григорьевич говорил, 83%.

(00:40:04)

Грубо говоря, у нас темпы роста в отрасли на 30 процентных пунктов меньше, чем в торговле продуктами питания. С этим тоже надо что-то делать.

Главной причиной роста цен на сельскохозяйственную продукцию является, безусловно, рост ее себестоимости. За последние десять лет, по оценкам наших ученых, рост себестоимости производства пшеницы, подсолнечника, кукурузы увеличилась в два раза. Иван Григорьевич говорил, что мы считаем, что регулирование цен в АПК должно строиться на системном подходе. И институт неоднократно выходил с этим предложением, наш научный центр, и в Правительство, и в Госдуму, и в Совет Федерации. Но воз и ныне там. Сейчас применяются точечные меры, ситуационные, которые зачастую отстают от сложившейся ситуации и мало что могут нивелировать.

Кроме регулирования ценовых отношений, для роста доходности и эффективности аграриев, безусловно, необходимо повышение производительности труда. Мы говорили, что мы сейчас ограничены в возможности наращивать производительность труда. Но анализ за последние 24 года по странам мира показал, что производительность в отрасли кратно увеличилась. Она кратно увеличилась и у нас в стране, и это очень хорошо. Но до сих пор по уровню этого показателя мы находимся между Турцией и Чили. А, например, в Финляндии, Новой Зеландии производительность в три раза выше, чем у нас, в США, в Нидерландах — в 5,5 раз выше.

Рост производительности труда — это инвестиции, инвестиционное развитие. У нас же десять лет подряд наблюдается стагнация и спад в инвестиционном развитии. В целом по экономике инвестиции в основной капитал увеличились в 1,5 раза (151%), а в сельском

хозяйстве — на 18%, то есть в три раза меньше, чем в экономике. И тому много причин. Главные, наверное, это первые два пункта: высокие инвестиционные риски, макроэкономическая нестабильность и заведомо высокая ключевая ставка.

И опять же, говоря о едином плане по достижению национальных целей развития, где для нас обозначены заниженные показатели, это вызывает большие вопросы. Но в то же время, оценивая ретроспективу и существующие механизмы развития, поддержки и стимулирования инвестиций, мы не понимаем, как сможем достичь даже этих заниженных 20%.

Надо кардинально менять систему. Нам, видимо, всем надо подумать и разработать новую стратегию развития АПК, сельского хозяйства, актуализировать цели, показатели, индикаторы, механизмы и инструменты по реализации данной стратегии. И, наверное, надо, чтобы не только научное сообщество, а в первую очередь бизнес к этому присоединился. Только сообща мы можем это все сделать. Спасибо за внимание.

Игорь Абакумов: Большое спасибо, Влада Вячеславовна. Для того чтобы немножечко сместить систему координат с науки на производство, я хочу пригласить Дмитрия Ивановича Валигурского. Дмитрий Иванович Валигурский — это фермер и профессор Российского университета кооперации. Поэтому ваш талант лектора, любимца студентов, я надеюсь, позволит вам говорить коротко.

Дмитрий Валигурский: Коллеги, профессора, ученые, практики, наука, губернатор, депутаты, я рад вас видеть, но такое впечатление, что вы в деревне не были. Знаете почему? Правительство принимает решение, что у нас будут новые сельские территории, будут опорные пункты. Эти опорные пункты будут охватывать только 20% сельского населения. Как мы можем говорить о государственной политике, когда у нас нет матрицы, на чем мы строим эту политику?

Что такое опорные пункты. Это пункты, где живет от трех до пятидесяти тысяч населения? А что остальным делать в деревне?

(00:45:02)

Вообще нет методики развития сельского хозяйства. Есть производственная сфера — это правая рука, а непроизводственная — левая рука. Но я понимаю: в непроизводственной сфере три человека работающих, в производственной — один человек. Методика понятна. Мы помним 90-е годы: деревня была неперспективной, рядовое село и центральная усадьба. На центральной усадьбе была основа развития вообще сельских территорий. Это была правильная программа, потому что мы этой программой сохранились. Сегодня нет ни методики, ничего.

Я сельхозпроизводитель, и я вам скажу: а я никому не нужен, мною никто не интересуется. Никакой чиновник разного уровня не заинтересован в том, чтобы я развивался. У нас в районе было 25 фермеров, остался один. В России было 250 тысяч крестьянских фермерских хозяйств, осталось 120 тысяч. Кто-то в тюрьме, извините, грубо, сидит за то, что сокращаются малые формы хозяйствования?

И самое главное. Чиновники разного уровня бьют себя в грудь, что решена продовольственная программа. Первое: все, что производится, перерабатывается, потребляться должно в России — оно есть. Второе: научно обоснованный уровень потребления. Не хватает только 20% молочной продукции. И третье: должно быть огромное количество магазинов, которые продают продукцию. Получается, что продовольственную программу мы выполнили. Почему их здесь нет? Они успокоились, ордена повесили, потому что они ее выполнили. Будущего нет.

Но даже не это главное. Хотя никто про это не говорит. Деревня — российский культурный код. Традиция, история, национальность, территориальная целостность России там. Там песни, пляски. Там человек живет по-другому. Он не продаст, не предаст Россию-матушку, землю. Он будет здесь работать, он будет воспитывать человека. Это вообще нигде никто не обсуждает. Я больше скажу: у нас сегодня идет спецоперация, и проявляется определенное сословие людей, кооперация. Кто деньгами помогает, студенты волонтерами работают, письма пишут. Это и есть та община, которая существовала триста лет в России. Это присуще только нам. Никакой француз или англичанин не будет делиться последним. Это община, кооперация, отношения. Это российский код. Сегодня это очень важно, но про это никто не думает, не говорит. Не только о продовольствии, о людях, о душах. Сегодня в первой части лекции было правильно сказано, что Россия — это еще культурная душа.

Третье: что делать? Я никогда не могу услышать, что делать. Программы, процессы, грамоты... Так что делать? На мой взгляд, сегодня нужно создать центральный потребительский цифровой кооператив, объединить людей всех видов предпринимательства, которые сегодня живут в деревне. Центральный потребительский цифровой кооператив. Почему центральный? Потому что он отвечает за развитие деревни. Почему потребительский? Потому что все люди, как и сегодняшняя аудитория, независимы, они участвуют в этом кооперативе. Почему кооператив прогрессивный? Потому что там надо внедрять новые технологии, о которых говорил академик. И этот центральный потребительский кооператив должен выступать аграрной политикой государства по отношению к деревне.

Но самое главное: есть люди, которые живут в городе, они хотели бы стать предпринимателями. Для того чтобы стать предпринимателем, любой человек в России может приехать, записаться, стать членом этого кооператива, получить кредит, о котором мы говорим, на 10-15 лет, построить дом, заниматься производством. Но самое главное не это. Кому эта ручка сегодня нужна? Я произвожу продукцию питания. Самая большая проблема — я не рыночник, я не продавец, я не консультант, я производитель. Нас заставили быть и производителями, и переработчиками, и продавцами, и рыночниками. Поймите, нельзя так. Государство должно часть функций взять на себя. Сегодня министры говорят: «Агрегаторы, агрегаторы». Я спрашиваю: за чей счет? Мы опоздали ровно на 20 лет с агрегаторами, потому что уже сегодня тех людей, которые делают товарную продукцию, осталось очень-очень мало.

О чем еще я хотел бы сказать. Сегодня Злочевский говорит: «Как повысить эффективность

сельхозпроизводителей?» Возьмем зарубежный опыт. Любой фермер знает, что средняя рентабельность по району — 25%.

(00:50:02)

Если у вас рентабельность как сельхозпроизводителя 24%, страховая компания вам доплачивает деньги. Средняя рентабельность сельхозпроизводителя по району — не то что каждого, а по району. И все это застраховано. Застраховано, потому что государство указало, фермер платит деньги, занимается реализацией его продукции. Есть правильная государственная политика. Чего у нас сегодня не хватает.

И самое последнее. Я очень надеюсь, что придет время, люди поймут, что без сельского хозяйства, без тех традиций, истории, национальности ничего не будет. Все спрашивают, что будет завтра. Я им скажу: старое сохранить, а новое построить как прогрессивный цифровой консерватизм. Сохранить культуру, традиции, историю, национальную целостность, воспитать нового человека в душе, в труде — это сегодня главное. Спасибо.

Игорь Абакумов: Спасибо большое. Евгений Степанович Савченко, член-корреспондент Российской академии наук, руководитель представительства РАН в Белгородской области. Пожалуйста.

Евгений Савченко: Когда я хочу придать значимость русскому языку, его величию и одновременно парадоксальности, я говорю фразу: я все время думаю о графине. И люди говорят: о каком графине? О том, из которого пьют, или о графине, которая женщина? Вот такой у нас русский язык.

Уважаемые коллеги, очень интересный полезный разговор, и думаю, что он будет с каким-нибудь позитивным итогом. В моем понимании доходность — это очень многомерная субстанция. Я остановлюсь всего лишь на пяти из ее элементов.

Первое — это инновации в сельском хозяйстве, инновации в АПК. Тот рывок, который сделали наши селяне, начиная с 2000-2010 годов, и, по сути дела, выполнили продовольственную программу, ее цифры, почему это произошло? На основе внедрения инноваций. Чьи это инновации? Не наши, не отечественные. А это процентов, наверное, на 90, а может, даже и больше — инновации импортные. А инновация что дает? Дополнительный доход. Чем он измеряется? Инновационной рентой. Кому мы заплатили инновационную ренту, приобретая иностранные семена, селекцию, генетику, технологии? Мы заплатили иностранным товаропроизводителям. Не только тем, которые все это поставили и нам с удовольствием продали. Речь идет о том, чтобы мы пришли, сделали импортозамещение.

Импортозамещение инновационное, суверенное, сделало страну нашу суверенной с точки зрения инноваций. Отечественные инновации должны играть все большую и большую роль. Можно говорить о каких-то семенах, породах и так далее в цифрах, все это хорошо. Инновации в целом, суверенизация инновационного процесса.

Я задаю себе вопрос: как это сделать? А нужно законодательно — и это мы недавно обсудили в институте, где Иван работает Григорьевич, — институционализировать

инновацию, выделить ее. Любое рациональное предложение, любое инновационное предложение дает инновационную ренту. Она должна быть вычислена, и эта часть инновационной ренты должна пойти на софинансирование, возвращаться на софинансирование науки, прежде всего, сельскохозяйственной науки. Этот проект у нас уже есть, и мы его готовы дальше продвигать, чтобы он у нас заработал во всей своей полноте. Это первое.

Второе. Я хочу поделиться для того, чтобы повысить доходность селян, тем проектом, который мы реализовали, и который продолжает успешно реализовываться на территории Белгородской области. Речь идет о биологизации земледелия. Это не быстрые деньги. Что такое биологизация земледелия? Очень коротко и понятно. Это добиться такого состояния, когда при урожае сухое вещество, которое мы выносим с урожаем, уступает тому сухому веществу, которое мы туда закладываем для получения этого урожая.

(00:55:09)

Если вас интересуют данные по Белгородской области, то мы с урожаем выносим примерно пять тонн сухого вещества, а остается подживными остатками, органикой, корневыми остатками и так далее семь-восемь тонн. Когда все это у нас заработало, мы получили увеличение за пять лет на 0,1% гумуса в почве. Это, может быть, уникальный для нашей страны результат. Но мы не просто увеличили гумус, мы улучшили качество получаемой продукции. Мы увеличили урожайность где-то на 20-25%. А это все доходность селян. И особенно давайте не забывать о качестве.

И самое главное — мы улучшаем почву, на которой работаем. Об этом кто-то сегодня думает? Конечно, нет. Урожай любой ценой, качество на пятом-десятом плане, лишь бы продать. Поэтому биологизация земледелия — это проект, который, я считаю, должен немедленно быть инициирован как минимум Министерством сельского хозяйства и реализован. Ну а 0,1% — это еще связанных шесть тонн CO₂ на одном гектаре. Если у нас заработает углеродный рынок, то это шесть тысяч рублей на гектаре как минимум.

Далее. Отраслевой диспаритет. Как его решить? Классическим показателем отраслевого диспаритета является то, что стоимость зерна в хлебобулочных продуктах сегодня составляет где-то 10-12%. Это не мои данные, это данные нашей статистики. В советские или постсоветские годы она приближалась к 40%. То есть на диспаритете селяне теряют как минимум (я подсчитал, сколько мы хлеба потребляем) 250–300 миллиардов рублей. Вот они, доходы.

Как решить эту проблему? Очень просто. Передо мной выступал Дмитрий Иванович. Он сказал, что должна быть сделана какая-то цифровая платформа. Совершенно верно. У нас должны быть отраслевые цифровые платформы. Отраслевые: по молоку, по хлебопечению и так далее. Решения эти есть, они работают. Они прекрасно работают в Китае. Открытое ценообразование всех участников от поля до прилавка. Проблема решена.

Четвертое, предпоследнее. Макроэкономический аспект. Все мы клянем Центральный банк, и правильно делаем, но отмечаем только его высокую процентную ставку. Но самое главное, где мы теряем огромные деньги, — это курс рубля, курс национальной валюты. Я

вам приведу такой пример. В нулевые годы один доллар стоил 28–30 рублей. Прошло 25 лет, один доллар стал стоить 75, 80, 85 рублей. В 2,5-3 раза. Задаю всем вам вопрос на засыпку: какой у нас индекс инфляции за 25 лет? В 10,5 раз. Это не мои цифры, это статистика. В 10,5 раз. Соотношение между увеличением курса рубля и инфляцией — в три раза. Ровно в три раза снизилась конкурентоспособность всей нашей национальной экономики, включая, конечно, аграрную экономику, по отношению к мировой.

Еще один пример. В нулевые годы (это уже мои цифры) один литр молока стоил 12 центов, если в переводе. Сегодня закупочная стоимость одного литра молока — 35-40 центов. То есть мы стали в три раза менее конкурентоспособны благодаря завышенному курсу рубля. В моем понимании, если в масштабе курса нулевых лет, то курс сегодня у нас должен быть 200, может быть, 250.

(01:00:01)

Пусть не 250, но хотя бы 120, 130, 150. На какую сумму мы экспортируем продукцию? Где-то на 40 миллиардов долларов. 40 миллиардов долларов умножаем даже на 50 рублей, которые мы там теряем, — это 2 триллиона рублей, которые недополучают наши экспортеры. 2 триллиона рублей! Я уже не говорю за всю экономику.

И последнее. Слова, сказанные Аркадием Леонидовичем: «Экспорт — средство достижения доходности». Их надо в граните выбить и подписать: Злочевский Аркадий Леонидович. Не надо Да Силву и прочих. У нас есть свои пророки. На что хочу обратить внимание: складывается благоприятная ситуация для сельского хозяйства. Дефицит энергоресурсов, который сейчас мы наблюдаем, хаос, который сейчас идет, приводит к дефициту минеральных удобрений и далее к дефициту продовольствия. Результат — рост цен на продукты питания и, возможно, даже дефицит продовольствия в мире.

Я считаю, что в ближайшие годы будет складываться именно этот повышающий тренд потребности в продуктах питания. Нам надо ставить задачу нашего экспортного продовольственного потенциала в 200, 250, 300 миллиардов долларов. Нам нужно заместить экспорт простых углеводов, коими являются газ и нефть, экспортом сложных углеводов. А сложные углеводороды — это продукты питания. Эту задачу уже надо ставить, и ее, я думаю, в ближайшие 5–10 лет можно вполне достичь. И таким образом повышать доходность сельского хозяйства. Спасибо.

Игорь Абакумов: Спасибо большое, Евгений Степанович. Вам тут что-то хотят вручить. Только представьте, пожалуйста.

Наталья Рааб: Я Наталья Рааб, председатель сельскохозяйственного кооператива из Новосибирской области. У нас поселение родовых поместий. Вы слышали про родовые поместья? Дальневосточники точно слышали. Наше движение решает все вопросы: и демографические, и продовольственной безопасности, и здоровья нации, и культурные ценности, конечно. Благодарю вас.

Евгений Савченко: За какие заслуги?

Наталья Рааб: Жители поселений попросили вручить благодарность первому губернатору

России, который принял народный закон о родовых поместьях в Белгородской области. Это первый губернатор, который принял. Другие области пока еще не готовы к этому.

Евгений Савченко: На подходе.

Наталья Рааб: На подходе, надеемся. Уважаемый Евгений Степанович, от создателей родовых поместий, от читателей серии книг «Звонящие кедры России» выражаем вам огромную признательность и благодарность за принятие закона о родовых поместьях в Белгородской области от 15 марта 2010 года, закон № 331. Этим поступком вы навечно вписали свое имя в скрижали народной памяти, показали любовь к России и народу. Многие люди с теплом и любовью думают о вас и желают долгих счастливых лет жизни вам и вашему роду.

Евгений Савченко: Спасибо вам большое. Для меня это очень ценная награда из всех, которые я наград имею. Для меня это очень важно.

Игорь Абакумов: Спасибо. Евгений Степанович, сколько лет вы были губернатором?

Евгений Савченко: 27.

Игорь Абакумов: 27 лет губернатор, и есть результаты.

Евгений Савченко: Спасибо большое.

Игорь Абакумов: Спасибо, Евгений Степанович. Пожалуйста. Суркашев Эрмен Юзлаевич, научно-производственный консорциум «Инновационные лекарственные препараты». Пожалуйста, десять минут.

Эрмен Суркашев: Здравствуйте. Спасибо организаторам за приглашение. Тема моего сегодняшнего выступления «Состояние и перспективы развития пантового оленеводства в России». Я хочу поделиться опытом организации переработки и сбыта продукции пантового оленеводства Республики Алтай и изложить перспективы развития оленеводства, одной из самых сложных отраслей сельского хозяйства России и важнейшей отрасли традиционной хозяйственной деятельности коренных народов.

(01:04:58)

Для Горного Алтая, где резкий континентальный климат и горный ландшафт не позволяют широко развивать традиционные направления сельского хозяйства, оленеводство является одним из основных. В кризисные 90-е годы именно марал стал двигателем экономики региона. Экспорт пантов (это неокостеневшие рога марала) приносил деньги в регион и позволил сохранить маточное поголовье остальных животных.

Олень — это единственное млекопитающее, способное отращивать новую конечность в виде рогов ежегодно. И восточная медицина более двух тысяч лет использует панты марала наряду с женьшенем. А вся элита Юго-Восточной Азии применяет также мускус сибирской кабарги.

Пантовое оленеводство в России появилось около двухсот лет назад. Первые фермы организовали на Алтае старообрядцы в середине XVIII века. Считается, что оленеводческие хозяйства Алтая до недавнего времени были лучшими в мире. На всей территории России

насчитывается около 90 тысяч маралов, из них 50 тысяч находится в Республике Алтай, 20 тысяч находится в Алтайском крае, и порядка 15 тысяч, то есть самое большое количество за последние 15 лет, это Московская область и прилегающие регионы. И по нашему анализу, наверное, при таких темпах развития здесь станет больше маралов, чем на Алтае, потому что у нас идет тенденция к сокращению. И вот почему.

Сырье из рогов горно-алтайского марала, самого крупного представителя семейства оленьих, ценится в мире намного выше китайских и новозеландских аналогов. В связи с интенсивной охотой к XX веку марал практически исчез из дикой природы. Например, не самые крупные рога одного марала в 1850 году стоили примерно десять хороших коров. Спрос на панты всегда был высоким, а именно создание фермерских хозяйств оленеводческой направленности позволило сохранить марала в дикой природе. Для примера: если сейчас у нас в хозяйствах порядка 70 тысяч голов, то в дикой природе — примерно 17 тысяч.

Кризис экспорта и ценовое давление. В последнее десятилетие мараловоды Алтая испытывают серьезные трудности с экспортом основной продукции — пантов. Дело в том, что по причине недостаточного спроса на внутреннем рынке все хозяйства на Алтае были ориентированы на сбыт продукции в Юго-Восточную Азию. В 90-е годы цена панта сорта «элита» составляла 1100 долларов США за один килограмм, в 2020 году стала 450 долларов, а в прошлом году цена упала до 250 долларов. Отрасль находится на пути к гибели. Теряется уникальный генофонд животных, теряются традиционные технологии консервирования и, самое главное, теряется потомственное продолжение старообрядческих династийных технологий, которыми мы были сильны в мировом оленеводстве.

В настоящее время в хозяйствах двух российских регионов лежит более половины непроданных пантов, которые ранее на 90% экспортировались в Южную Корею. Цены на панты упали вдвое и стали ниже рентабельности производства. Анализ пантового рынка Кореи показал, что четыре фирмы-перекупщика объединились в картель и искусственно занизили цены, лишив россиян прибыли. Цены на российские панты на их рынке традиционно остались высокими по сравнению с новозеландскими конкурентами (более чем в два раза). В частных беседах корейские врачи признаются, что русский пант имеет более выраженный лечебный эффект. Наша беда в раздробленности производителей и излишней открытости. Мы позволяли иностранным перекупщикам ездить в разные хозяйства и планомерно снижать цены. Это примерно то же самое, как допустить, чтобы по месторождениям нефти и газа ездили иностранные перекупщики и диктовали свои цены.

Чтобы противодействовать этому, было принято решение создать в Корее уполномоченные организации, имеющие исключительное право на оптовую торговлю алтайским пантом. Один из членов ассоциации открыл там фирму и завез туда первую партию. Он просто нарезал на кусочки панты и реализовал их по 500 долларов за килограмм, когда в прошлом году у нас корейские посредники приобретали панты по цене 180 долларов за килограмм. Это требует от производителей объединения в картель в виде сбытового кооператива или акционерного общества с государственным участием.

(01:09:56)

Все механизмы экспорта отработаны, однако необходимо привлечь хотя бы 50% финансирования для поддержки алтайских оленеводов в межсезонье. Эта сумма эквивалентна пяти-шести миллионам долларов. Данные обстоятельства требуют вдумчивого государственного подхода и его интеграции в существующие программы экспорта.

В советское время был создан препарат «Пантокрин». Но в 90-х годах наши фармзаводы отказались от его производства, и мы объединились в кооператив, привлекли ученых, два научно-исследовательских института Федерального медико-биологического агентства, и создали препарат «Пантолен». В 2011 после встречи с Си Цзиньпином, корейским и китайским руководством вышло два поручения президента России по созданию препарата из пантов марала и мускуса кабарги, 90% которого на мировой рынок идет из России. Эти НИИ провели научно-исследовательские разработки, и мы взяли его на производство.

Но сегодня я бы хотел предложить, что мы можем поставить на переработку 30 тысяч килограммов пантов в консорциуме с экспериментальным питомником сибирской кабарги, откуда 90% мускуса идет из России на мировой рынок. Вся верхушка Азии сидит на этом. Мы выпустили их премиальный продукт, называется «Золотые шарики Гундзиньдан». Он оборачивается золотом и состоит из пантов и мускуса кабарги. Когда они берут его в руки, у них мелко трясутся руки, настолько велико преклонение перед этим продуктом. И вся эта элитная продукция идет из России и покупается ими по бросовым ценам.

Предложение по государственной поддержке оленеводства. Подводя итоги, хотелось бы сделать краткие выводы о мерах государственной поддержки в области оленеводства. Первое. Необходимо способствовать объединению производителей-олeneводо в отраслевые сбытовые кооперативы, обеспечив их доступным, недорогим предэкспортным финансированием или сезонным кредитом. Второе. Обеспечить прозрачную систему экспорта мускуса с лицензированием этой деятельности. Третье. Отменить повышение ставок лесной аренды для оленеводческих хозяйств. И четвертое. Продукцию оленеводства, которая прошла доклинические испытания, внести в список БАДов, рекомендованных к применению Минздравом и Минобороны.

Игорь Абакумов: Большое спасибо, уважаемый Эрмен Юзлаевич. Вы привезли нам в подарок препараты эти?

Эрмен Суркашев: Да, есть.

Игорь Абакумов: Занимайте очередь. После меня. Пожалуйста, Колесников Андрей Викторович, член-корреспондент Российской академии наук.

Андрей Колесников: Добрый день, уважаемые коллеги, участники Форума. Разрешите представить вашему вниманию доклад, посвященный проблеме трансформации архитектуры господдержки сельского хозяйства в современных макроэкономических реалиях.

В условиях жесткой денежно-кредитной политики, турбулентности рынков сельское хозяйство столкнулось с фундаментальным структурным вызовом. Мы фиксируем начало глубокой инвестиционной паузы. Главная причина состоит в том, что финансовая экономика страны сегодня замкнулась сама на себе. Она генерирует прибыль преимущественно внутри банковского сектора, утратив свою главную функцию — направлять капитал на развитие реального сектора экономики. Современное сельское хозяйство оказалось в структурной ловушке. Для обеспечения технологического рывка и продовольственного суверенитета отрасли требуются длинные и дешевые инвестиции.

Чтобы говорить предметно, давайте обратимся к метрикам. В классической экономике инвестиции в реальный сектор оправданы лишь тогда, когда рентабельность инвестированного капитала превышает средневзвешенную стоимость этого капитала. Расчеты, опирающиеся на данные Центробанка и Росстата, говорят, что рентабельность в сельском хозяйстве без учета субсидий варьируется в диапазоне от 8% до 14%, в то время как рыночная стоимость заемных средств сейчас от 22% до 36% процентов. Таким образом, образуется отрицательный экономический спред, и любой новый инвестиционный проект в сельском хозяйстве, финансируемый за счет рыночного кредита, сегодня запрограммирован на разрушение стоимости сельхозорганизации. И я здесь уже не говорю о какой-то возрастающей прибыли и доходности.

(01:15:07)

Современный парадокс действующей господдержки состоит в том, что даже при субсидировании процентной ставки до льготных 5-6% реального развития не происходит. Отрицательную роль в этой ситуации играет лимит бюджетных субсидий на льготные кредиты, нарастающий с каждым годом. В результате доля субсидируемых кредитов в кредитном портфеле сельхозорганизаций не превышает 30-40%, что ведет к росту кредиторской задолженности.

Кроме того, эффективность субсидий полностью нивелируется немонетарной инфляцией издержек. Рост цен за последние четыре года составил: на сельхозтехнику — в два-три раза, средства защиты растений — от 8% до двух раз, вакцины — до двух раз, горюче-смазочные материалы — 23-31%, удобрения — 14-33%, и так далее. Текущая модель господдержки уже с трудом помогает аграриям профинансировать даже посевную кампанию, не говоря уже о долгосрочных капитальных затратах.

Анализ макроэкономической статистики вскрывает серьезные системные диспропорции, о чем сегодня говорил Сергей Юрьевич. Мы наблюдаем разрыв между ростом денежной массы, ключевой ставкой и динамикой ВВП. За 2019-2026 годы денежная масса в стране увеличилась в три раза, а ВВП вырос всего лишь в два раза. Эти показатели слабо коррелируют между собой, что ставит под сомнение эффективность классических монетарных теорий, которые использует на сегодня Центробанк в нашей специфической экономике. Хотя аналогичная ситуация была в 1929 году в Соединенных Штатах, только там предметом ликвидности были деньги населения, а не банка.

Возникает феномен финансового тромба. Гигантская ликвидность адсорбируется

банковским сектором, не допуская капитал ни в одну из отраслей реального сектора экономики. Экономика накачивается долгами не ради созидания новых активов, а для покрытия операционных кассовых разрывов организаций. С 2017-го по 2023 год доля прибыли финансовой и страховой деятельности выросла с 1,6% до 9,5%. Но посмотрите, как она росла и когда росла. Росла в ковидное время и во время СВО, и 2023 год — обратите внимание — ключевая ставка превысила 20%. Вот на чем на сегодняшний день делают деньги банки.

Финансовый сектор, не производя материальных благ, аккумулирует почти десятую часть всей прибыли в стране. Тем временем сельское хозяйство, обеспечивающее стратегическую безопасность, генерирует около 2,5% прибыли. Данный перекося означает, что реализуемая денежно-кредитная политика позволяет банкам изымать ресурсы производственного сектора через механизм высоких процентных ставок и не стимулирует рост инвестиций в сельское хозяйство. Вот такой негативный тренд мы видим.

Ситуация с инвестиционным кредитованием в сельском хозяйстве выглядит очень драматично. Совокупная задолженность перед кредитными организациями растет, объемы выдачи льготных инвестиционных кредитов рухнули почти в шесть раз: с 920 миллиардов в 2019 году до 150 миллиардов в 2024 году. Вместо приобретения средств производства за дешевые кредиты сельхозорганизации используют коммерческие кредиты с высокой процентной ставкой.

Особое внимание следует уделить эффекту отрицательных инвестиционных ножниц. Темпы роста себестоимости продукции колоссально опережают темпы индексации оказываемой господдержки. За 2019-2024 годы рост издержек сельхозотрасли превысил 2,5 триллиона рублей. Вдумайтесь, это больше четверти ВВП сельского хозяйства за предыдущий период. Эти средства были просто изъяты из инвестиционного портфеля аграриев.

Дополнительным ударом выступает рост дебиторской задолженности, которая приблизилась к 1,5 триллионам рублей. И чтобы закрыть возникающие кассовые разрывы, сельхозпроизводитель вынужден брать дорогие кредиты в банке под 22-38% годовых на сегодняшний день под посевную кампанию. В результате кем выступает сельское хозяйство? Донором ликвидности последние четыре-пять лет как для банковского сектора, так и для торговли, если говорить о росте дебиторской задолженности.

На основании проведенного анализа очевидно, что попытки побороть инфляцию издержек в сельском хозяйстве путем сжатия спроса и удорожания кредита глубоко ошибочны и уже ведут к стагфляции.

(01:20:05)

Повышение ключевой ставки объективно не способно снизить стоимость удобрений или увеличить объемы производства молока. Для выхода из этой ситуации и предотвращения деиндустриализации сельского хозяйства требуется полномасштабная ревизия механизмов макроэкономического регулирования и распределения господдержки и прибыли.

Наше исследование предполагает внедрение трех структурных элементов. Первым должен стать переход к двухконтурной системе денежно-кредитной политики. Пусть Центробанк в соответствии с действующими монетарными теориями охлаждает те сектора экономики, которые действительно подогревают рост, как это было сделано в 1933-1941 годах в Соединенных Штатах Америки Рузвельтом. Все эти меры знают. Ситуация в России сегодня один в один, только в 1930 году в Штатах ставка ФРС была 0%, и ликвидность была сосредоточена у населения, а нас немножко наоборот. Но ситуация схожая.

Центральному банку необходимо внедрить механизм предоставления целевой ликвидности комбанкам для проектного финансирования в рамках продовольственного и технологического суверенитета во всех отраслях экономики под 1-2% годовых. Жесткий контроль целевого расходования этих средств можно обеспечить технологиями цифрового рубля.

Вторым кардинальным решением должен стать отказ Минсельхоза от провальной архитектуры субсидирования банковских процентных ставок в пользу прямых инвестиций — капексов. При превышении ключевой ставки уровня рентабельности сельского хозяйства необходимо вводить мораторий на новые льготные кредиты, заменив их прямыми субсидиями на возмещение до 30-50% от капитальных затрат после ввода или в течение формирования объекта основных средств. Этот шаг исключает перекачку бюджетных средств в банковскую прибыль и снижает инфляционный навес, увеличивает рентабельность на 5-8%.

И третий шаг. Мощным вектором развития должно стать активное стимулирование рынка цифровых финансовых активов в сельском хозяйстве. Нам необходимо создать альтернативный контур привлечения капитала, полностью независимый от волатильности банковской системы. Следует на законодательном уровне приравнять инвестиции физических и юридических лиц в агро-ЦФА к классическим вкладам и внедрить механизмы их агрострахования. Механика процесса прозрачна: сельхозпроизводитель выпускает цифровой токен, обеспеченный будущим урожаем, инвестор приобретает активы, Минсельхоз страхует риски неисполнения обязательств и дефолтов, и тем самым средства напрямую поступают производителю.

Подводя итог, хочу сказать, что реальный сектор больше не может функционировать в тех параметрах, которые сегодня задает финансовый сектор экономики. Он оторван во всех странах мира от реального сектора. Поэтому я думаю, что нам необходимо предпринимать срочные меры. В противном случае следующий, 2027-2028 год, уже может стать необратимым для наших аграриев. Благодарю за внимание. Буду рад ответить на вопросы.

Игорь Абакумов: Андрей Викторович, большое спасибо. Орлова Людмила Владимировна, Национальное движение сберегающего земледелия. Надеюсь, мы будем говорить о доходах.

Людмила Орлова: Не только о доходах, но еще о почвах. Здесь выступал Евгений Степанович Савченко, и я хочу сказать, что это уникальный губернатор во всех отношениях, потому что то, что он сделал в сельском хозяйстве по развитию почвосберегающих

технологий, — это комплексный подход. Он меня приглашал на совещания, у нас Слуцкий приехал, 30 минут побыл, выступил...

Игорь Абакумов: Он же агроном по образованию.

Людмила Орлова: Неважно. У нас агрономов много, но таких один, к сожалению. Спасибо вам огромное. И любую проблему, которую ни затронешь в почвосберегающем, например, по навозу мы используем, проблема антибиотиков решалась комплексно.

(01:24:57)

Есть фраза, что чернозем для России дороже всякой нефти, всякого каменного угля, дороже золотых и железных руд. В нем вековечное, неистощимое русское богатство. Евгений Степанович это глубоко усвоил. Но кто еще из губернаторов, из министров понимает это? А они ведь руководят отраслями.

И вот мне хотелось бы предложить фразу Вернадского: «Вода стоит особняком в истории нашей планеты, но нет природного тела, которое бы могло бы с ней сравниться по влиянию на ход основных грандиозных геофизических...», я бы еще добавила — биологических процессов. И сельское хозяйство играет огромную роль на всю экосистему планеты. Есть теория Йохана Рокстрёма, он создал ее в 2009 году, что планетарные границы, которые не должны быть нарушены, они разрушены. И девять из них благодаря сельскому хозяйству.

И в мире, и в России мы отмечаем уничтожение почв, просто почв. Эрозия, деградация, опустынивание развиваются во всем мире. В России за последние годы выведено 250 миллионов гектар за счет истощения, 100 миллионов находится в стадии деградации, 50 миллионов — это опустынивание, то есть превращение почвы в пустыни. И каждый год мы теряем 1,5 миллиарда тонн плодородного слоя почвы.

Я говорила о планетарных границах, например, биогеохимические циклы. Мы нарушили их по азоту, фосфору. Например, по азоту они увеличились на 800% и сейчас составляют 137 миллионов тонн, а границы составляют 62 тонны. И самое страшное, что 50% идет в урожайность, а 50% просто в почву и водные ресурсы. Также по фосфору мы видим: 96% добываемого фосфора — это для удобрений, и потери тоже приблизительно такие — даже больше половины, 16 миллиардов в год. А глобальная граница — 11. Эти нарушения в совокупности с применением средств защиты растений приводят к загрязнению почв, к эвтрофикации водоемов. Мы теряем качество воды, вымирают животные, водные растения.

Игорь Абакумов: Людмила Владимировна, можно ближе к доходности?

Людмила Орлова: А это все деньги.

Игорь Абакумов: Я понимаю. А можно ваши слова перевести в деньги?

Людмила Орлова: А дальше уже деньги пошли. Есть оценка стоимости почв. Американские и канадские ученые подсчитали, что стоимость здоровой почвы доходит до 30 тысяч долларов. В разных странах по-разному. Например, в Новой Зеландии посчитали, что здоровая почва у них стоит 3717 долларов за гектар, деградированная — уже 1200, где деградированность в три раза меньше. Но у них не доходит до опустынивания. Это вода,

питание, биопродуктивность считается. Если исходить из средней стоимости четыре тысячи долларов, то мы посчитали: 258 миллионов гектар, выведенных из оборота, — мы потеряли приблизительно 1,2 триллиона долларов. Вот вам деньги. Что такое потеря почвы.

Теперь я хочу остановиться на воде. Мы мало считаем, а сельское хозяйство потребляет очень много воды. 70% глобального водосбора — это сельское хозяйство. За последние 80 лет увеличена потребность в шесть раз, орошение ответственно за 86% используемой «голубой воды». Это та вода, которую мы используем. Для питья — всего 2,8. В среднем человек использует воды в год на 120 долларов. И в настоящее время в водные ресурсы ежегодно сбрасывается 2520 кубических метров различных стоков, и 50% из них — это диффузные загрязнения, которые идут с полей. Из-за вспашки происходит сдувание, смыв, и все это идет в водные ресурсы. И основные загрязнители — это как раз удобрения: нитраты, фосфаты, средства защиты растений.

(01:30:03)

За последние 50 лет отмечалось 507 конфликтов из-за воды, и 21 раз доходило до военных действий. В частности, режим Каддафи, был он устранен за счет того, что Каддафи решил риск для их страны: он организовал подземные водопроводы. Он еще тогда писал: «Когда же меня американцы за это накроют?» Когда он организовал очередной водопровод, произошел такой конфликт.

По прогнозам ООН, к 2050 году две трети людей будут жить в условиях дефицита воды. Потребление воды вырастет на 19%. И поэтому для нас очень важно учиться эффективно использовать воду, беречь наши почвы.

Игорь Абакумов: Людмила Владимировна, насколько no-till эффективнее вспашки по экономике?

Людмила Орлова: Сейчас расскажу. Я еще хочу сказать, что у нас новая селекция, обратите внимание, настроена на урожайность, на огромное количество потребления воды. Посмотрите, какие коэффициенты, я не буду повторять. Но это большой риск. И в засушливые годы, когда не пополняются грунтовые воды, у нас исчезают родники, потому что культуры-насосы все вытягивают.

Мы уже говорили о том, что у нас рентабельность снижается и она низкая. Теперь почвосберегающее земледелие. Что это такое? В основе его прямой посев, отсутствие механической обработки почвы, а потом интегрированные системы защиты растений, питания, технологии точного земледелия. И как Евгений Степанович сказал, это биологизация. Там много методов биологизации: это и правильно подобранные севообороты, это и органические удобрения, это микробиомы, их различные представители — микоризы, эндофиты и так далее. Это огромный процесс, который у нас не изучен. Микробиологических лабораторий нет, кафедры сельскохозяйственной микробиологии нет. И связи между медицинскими микробиологами и сельскохозяйственными тоже нет. Этот вопрос мы ставим перед Российской академией наук.

Игорь Абакумов: Людмила Владимировна, можно цифру назвать по экономии через no-

till?

Людмила Орлова: Вот цифры экономии по no-till. Если восстанавливать деградированные почвы старыми методами, которые были, нам потребуется 20 триллионов рублей. А почвосберегающими методами мы можем вернуть эти почвы постепенно за счет внедрения этих технологий. И потом, мы сохраняем углерод в почве. Евгений Степанович тоже говорил, что в последующем, когда разовьется рынок, а рынок CORSIA уже на подходе, и мы полагаем, что в 2027 году это будут аграрные проекты, которые мы предлагаем, и это значит, что мы сможем продавать углерод. Это где-то до 325 миллионов тонн мы можем сэкономить на 65 миллионах гектар.

Плюс сокращение выбросов парниковых газов — это тоже важный критерий. Плюс в два раза меньше использование техники. Нам не нужен плуг, трактор. Нам нужен культиватор, а не плуг. Это существенные затраты, которые наше правительство не учитывает. К тому же 50% экономии ГСМ. В наше время это тоже существенные затраты, когда разбомбили огромное количество нефтеперерабатывающих предприятий.

Игорь Абакумов: То есть это один из способов пополнения доходности?

Людмила Орлова: Конечно. Отмечается повышение урожайности на всех предприятиях в разных почвенно-климатических зонах, повышение рентабельности до 20%, а также дополнительные доходы от продажи углеродных единиц. И еще: эти технологии повышают устойчивость к различным почвенно-климатическим условиям.

Но я еще хочу сказать, что качество воды играет роль не только для нашего здоровья и питьевой воды, но в том числе для энергетики. Загрязнение водных ресурсов ответственно за эффективность работы гидроэлектростанций. Очистка воды на 1% предполагает повышение эффективности до 24%. Это огромное значение.

В 2004 году аппарат президента проводил президиум Госсовета, мы его готовили. Были резолюции. Через год это ничего не выполнялось. Мы — Аркадий, Константин и я — написали письмо Путину.

(01:34:57)

Я лично вручила его 12 апреля, и он сам подписал резолюцию по выполнению его поручения. 20 лет прошло — ничего не сделано. И сейчас мы предлагаем те же самые меры.

Игорь Абакумов: Спасибо, Людмила Владимировна. Я однажды на одном из дней поля, куда приезжал Владимир Владимирович, задал вопрос охраннику Путина: «Скажите, а каким образом эта женщина к Путину попадает?» Он говорит: «Вы что, это же Орлова».

Цыпкин Юрий Анатольевич, зав кафедрой землеустроительного университета, член-корреспондент Российской академии наук. Это мой сомодератор, академик, которого я уважаю. У него есть свое мнение.

Юрий Цыпкин: Дорогие друзья, участники, я хотел доложить вам о повышении доходности сельхозтоваропроизводителей с точки зрения экспортных пошлин, конкурентоспособности и с точки зрения системных решений. Иван Григорьевич в начале заявил некоторые

направления, шесть-семь пунктов, которые должны повлиять на изменение всей системы. Мы говорили про архитектуру возможной государственной поддержки и так далее.

Мы все прекрасно понимаем, что любой результат — это отдача на инвестиции. Если инвестиций нет, то, как говорил Шекспир, «nothing will come to nothing» — из ничего не будет ничего. Поэтому мы долго можем рассуждать, как и что. Если действительно не будет той системы, которая должна быть, что зарплата сотрудника должна быть выше всего, и в структуре производства должны участвовать те известные факторы производства, которые есть, включая землю и трудовые ресурсы, и пока пропорция между этими факторами не будет выстроена как надо, мы так же будем продолжать дискутировать, все это продолжать, говорить, говорить и говорить.

Конкретно по экспорту я просто перейду к выводам. С точки зрения того, что есть. С одной стороны, Патрушев заявил на заседании Правительства, что не так уж все плохо. На самом деле мы существенно сократили объемы экспорта в стоимостном выражении. Например, по пшенице нас уже догоняет Европа и прочее. Я не буду это все говорить, это есть в аналитике.

Что касается выводов и соображений, что можно сделать. Первое — перестать делать ложную ставку только на продукты переработки. Снижение себестоимости и фиксация пошлин. Здесь самый главный вопрос пошлин. Наш президент Путин в 2001 году говорил о предсказуемости экономики. Собственно, мы к ней и пришли. И здесь крайне важная часть себестоимости любой продукции — это в том числе, и в первую очередь, энергоносители. Мы обладаем атомной энергетикой, гидроэлектростанциями, у нас приличные запасы недр, а электроэнергетика и все остальное у нас дорогое. Я думаю, раз мы на экономическом форуме, все всё понимают. Так быть не должно.

Мы говорили о производительности труда. Где она у нас, производительность труда? Отсюда и все проблемы с точки зрения себестоимости производства, неважно какой культуры. Действительно, не только на зерно надо делать ставку. Предыдущие выступающие уже частично об этом сказали. Поэтому мировой рынок, с одной стороны, перенасыщен, идет огромное давление. Вы видите, что происходит в Заливе. Это мы наблюдаем за нефтью. Похожие вещи происходят с сельхозпродукцией. Для экономистов не представляет труда спрогнозировать, что и как будет дальше. Зарабатывают те, кто действительно идет по низкой себестоимости. Отказ от плавающих пошлин, снижение энергозатрат, технологическая модернизация, инновации, о которых мы тоже здесь говорим, и ставка на базовую продукцию, а не только на переработку. Поэтому я благодарю за внимание. Спасибо.

(01:40:04)

Игорь Абакумов: Еще минуту по земельным отношениям. Вы же профи в этом плане.

Юрий Цыпин: Что касается земельных отношений, дорогие друзья, я после земли посчитал, сколько стоит интернет. То же самое. 20% на все, что касается земельных отношений, потому что земля — это 20% стоимости любой продукции. Поэтому здесь это все тоже надо понимать: как устроена вся экономика, что такое земля, все эти факторы производства,

чему Иван Григорьевич меня и учил 30 лет назад. Мы этого всего не соблюдаем. Мы все хотим решить какой-то маленький кусочек с муравейником, а надо весь лес. И чего мы имеем? Ничего не имеем.

С точки зрения взаимодействия — это ключевой базис. Еще в 2003 году мы предлагали сделать единый пространственный кадастр, где должно быть все нужное с точки зрения эффективности управления государством: и люди, и самолеты, и земля, и нефть, и газ и так далее. Что нам сказали? Нет, у нас управление государства устроено по персональному принципу. Вот есть министр, давай ему создадим министерство. Человек хороший. Вот так мы и живем, к чему и пришли. Все хорошие люди, уважаемые. Ты меня уважаешь, я тебя уважаю. Спасибо.

Игорь Абакумов: Спасибо, Юрий Анатольевич. Финальное выступление. Сорокин Николай Тимофеевич, главный специалист Федерального научного агротехнического центра, заслуженный машиностроитель Российской Федерации, прошу вас.

Николай Сорокин: Уважаемые товарищи! Я хотел бы вам сказать о том, как успешно выполняются решения правительства по развитию малого бизнеса на селе и на территориях на основе внедрения новых технологий по органическому сельскохозяйственному производству.

Я не буду вам рассказывать, что такое гуминовые удобрения. Вы знаете, что это основа для формирования органического гумуса, обеспечивающая соответствующее плодородие. И где они участвуют, и как они детоксирующие свойства гуминовых веществ проявляют, вам хорошо известно. Я хотел бы сказать, что за последние 13 лет на основе принятых решений правительства, законов, стратегии развития органического сельского хозяйства до 2030 года мы решили проблему развития малого бизнеса по созданию малых предприятий по переработке торфа, бурых углей, сапропеля и биогумуса. Мы создали необходимые технологические линии и защитили их на законодательном уровне патентами.

Сегодня технологические линии работают на территории России в десяти регионах, в том числе, одна из первых, даже в Республике Чечня. И, конечно, наша братская республика Белоруссия, город Борисов. Это технологические линии в Кургане, в Хакасии, на Борском горно-обогатительном комбинате, где я сам в 2016 году пускал эту линию. 200 грамм сухих удобрений обеспечивают две тонны удобрений органических. Вот такая высокая концентрация. Кому нужен телефон этого горно-обогатительного комбината, я вам сегодня каждому дам в двух экземплярах.

Чем хороши технологические линии? Они имеют адресность производства органических удобрений. Фермер, заказчик приходит к производителю органических удобрений со справкой о состоянии здоровья почвы. И удобрения не как химия, которая работает на вал, на склад, а удобрения делаются с добавкой необходимых микроэлементов под плодородие и урожайность конкретного фермера. Вот такая система создана, и она работает достаточно успешно.

Но проблема в чем. Недавно, 20 марта, ТАСС провел очень хорошую, замечательную программу о проблемах сохранения плодородия почв.

(01:44:57)

Ненормально, конечно, то, что сегодня говорил бывший губернатор: вносится, допустим, 500 кг на гектар, а выносятся 1,5 тонны. Конечно, гумус мы потеряли во многих регионах. Но проблема еще в чем? У Минсельхоза на сегодня нет агроэкологической системы земледелия на основе стандарта управления процессами сельского хозяйства воспроизводства плодородия почв. Нет основополагающего документа, как сохранить плодородие. И почему мы, фермеры, этот вопрос не задаем представителям министерства?

Мы комплексно продумали все вопросы внедрения и использования органических удобрений в том плане, чтобы вносить удобрения не под отвал плуга, где потом еще надо бороновать, а на глубину 20-22 сантиметра, используя вертикальные ножи-плуги. И тогда удобрение попадает прямо под корневую систему. А уже потом по третьему листочку еще раз обрабатываем. И мы получаем свеклу вот такую! А на хлеба можно ложиться на спину. Мы везде комплексно провели все необходимые трехгодичные опыты. Кому нужны результаты, я готов их выслать на ваши электронные почты. Спасибо.

Игорь Абакумов: Большое спасибо, Николай Тимофеевич. Просто замечательное выступление. Друзья, мы финализируем наше мероприятие, нашу сессию №4 Московского экономического форума, и у нас пришли вопросы от наших слушателей, зрителей. Марина Леонидова, непонятно из какого региона, спрашивает: «Ответьте, кто на самом деле заинтересован в массовом убийстве КРС в Новосибирской области?» У нас ветеринары есть в зале? Нет ветеринаров. Я думаю, что виноват, наверное, тот, кто уничтожил ветеринарную службу, прежде всего, в России. Это было сделано в начале нулевых годов. Ветеринарная служба была заменена контролем, а ветеринарных врачей не стало. Это размытая формулировка, но конкретного виновника здесь не назовешь, поскольку здесь системная ошибка государства.

Реплика из зала: Я думаю, следствие установит в любом случае.

Игорь Абакумов: Конечно, следствие идет, и я думаю, что все получат по своим серьгам.

Небольшие молочные хозяйства массово разоряются из-за обязательного введения маркировки «Честный знак». Дмитрий Иванович, может, вы ответите? Дмитрий Иванович Валигурский, фермер и профессор Университета кооперации.

Дмитрий Валигурский: Уважаемые коллеги, уважаемые друзья, дело в том, что это огромная нагрузка на сельхозпроизводителя. Есть маркировка, есть «Честный знак», есть другие. Это одна и та же форма контроля. Главная задача маркировки — повысить налоги, но не улучшить качество этой продукции. Я считаю, для малых форм хозяйств надо сделать одну форму контроля, а все эти формы отменить. Это мое мнение. Спасибо.

Игорь Абакумов: Спасибо. Маркировка «Честный знак» ведь наносится на упаковку, а не на содержимое. Вот в чем беда.

Реплика из зала: Прежде мы проинформируем Данкверта, Россельхознадзор.

Игорь Абакумов: Конечно. Люди волнуются, и Данкверта нужно, конечно,

проинформировать.

Что нужно сделать, чтобы в первую очередь доходы фермеров выросли? Мы об этом говорили только что два с половиной часа.

Почему сельхозпроизводителям в России так сложно зарабатывать? В чем главные проблемы? Академик, вопрос к вам.

Иван Ушачев: Главных проблем очень много, но прежде всего, на мой взгляд, это высокая стоимость средств производства для сельского хозяйства, и отсюда цены.

Игорь Абакумов: Совершенно верно.

Как цены на зерно влияют на стоимость продуктов питания для обычных людей, Аркадий Леонидович?

Аркадий Злочевский: Да практически никак. Цены на зерно не влияют на стоимость конечной продукции. В себестоимости гораздо больше энергетика, транспортировка, заработные платы и так далее, чем зерно. А зерно напрямую с прилавка мы не едим, мы едим только переработанную продукцию. Евгений Степанович сказал уже, и это правда, сегодня в буханке хлеба стоимость зерна 10%.

Игорь Абакумов: По некоторым оценкам даже меньше.

Белгородская область — один из самых успешных регионов в сельском хозяйстве. В чем секрет успеха? У нас автор тут есть.

(01:50:02)

Евгений Савченко: Секрет успеха в генерации идей. И когда правильные идеи поддерживают массы, их легко реализовывать. Нам нужны хорошие идеи развития аграрного комплекса.

Игорь Абакумов: Спасибо. Эрмен Суркашев, вам персональный вопрос. Какие цены на сельхозпродукцию наиболее выгодны для фермеров? Как можно защитить фермеров от недобросовестных покупателей? Скорее всего, вторая часть вопроса более интересна.

Эрмен Суркашев: Это, прежде всего, объединение отраслевых кооперативов или картелей. Потому что наша продукция уникальная, единственная в мире, но мы не умеем ее реализовывать, представлять.

Игорь Абакумов: То есть надо учиться?

Эрмен Суркашев: Прежде всего, учиться работать вместе, доверять друг другу. Это основное. Ну и, конечно, меры государственной поддержки каждого направления. Прежде всего, под это объединение нужно финансирование. Тогда люди объединятся, увидят перспективы и, конечно, такими уникальными продуктами завоюют свое место на рынке.

Игорь Абакумов: Спасибо вам большое. И мне вопрос персональный: «Как вы оцениваете роль Федерального сельсовета в деле защиты интересов работников АПК?» Я любую организацию, которая поддерживает и защищает АПК, оцениваю очень высоко, поскольку, как говорил кот Матроскин: «Чей бы бычок ни прыгал, а теленок будет нашим».

Спасибо всем. Мне остается представить еще раз наших участников: Иван Григорьевич Ушачев, академик Российской академии наук; Аркадий Леонидович Злочевский, президент Российского зернового союза; Андрей Викторович Колесников, член-корреспондент РАН; Маслова Влада Вячеславовна, член-корреспондент РАН; Орлова Людмила Владимировна, Национальное движение сберегающего земледелия; Савченко Евгений Степанович, губернатор Белгородской области 27 лет; Суркашев Эрмен Юзлаевич, «Инновационные лекарственные препараты»; и Сорокин Николай Тимофеевич, главный специалист Федерального центрального агротехнического центра. И выступал Цыпкин Юрий Анатольевич, зав. кафедрой землеустроительного университета. Спасибо.

(01:53:18) (Конец записи)